

© 2014 г.

О.М. МОРОЗОВА

ЭВАКУАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1915–1916 годах

Беспримерная по объемам эвакуация советской промышленности и гражданского населения СССР из западных районов в Зауралье и Среднюю Азию в 1941–1942 гг. оценивается как “великолепнейший организаторский подвиг” и по своим итогам – спасению производительных сил и кадров для перелома хода войны с Германией – может сравниться с выигранной битвой¹. Осуществление эвакуационных мероприятий является признаком войн современного типа, ведущихся промышленно развитыми странами. Осуществление советским правительством операции подобного типа и объема основывалось не только на общих требованиях времени, но и на негативном опыте эвакуационной кампании западных губерний в 1915–1916 гг. Однако исторические взаимосвязи этим не исчерпываются.

До XX в. боевые действия поднимали с насиженных мест беженцев из числа мирного населения, уводивших по возможности с собой скот и вывозивших домашний скarb. Монарших особ и командование армий интересовала в случае отступления лишь судьба государственных ценностей. Промышленная революция изменила перечень того, что может считаться стратегически важным достоянием государства. Франко-прусская война 1870–1871 гг. наглядно показала, во что может обойтись пренебрежение судьбой промышленных мощностей и сырья. В ходе оккупации прусскими войсками 43-х департаментов Франции в Германию было вывезено промышленное оборудование, скот и сельскохозяйственное сырье на сумму в несколько миллиардов франков. После поражения Франции в этой войне к Германии отошли Эльзас и Лотарингия, уступавшие по уровню экономического развития только центру страны – Иль-де-Франс, вместе с полностью оборудованными рудничными и фабрично-заводскими производствами².

В целом франко-прусская война могла подсказать наблюдательному аналитику два существенных вывода – о роли революционных сил для разложения тыла противника и его поражения в войне и о важности сохранения сырьевых, промышленных и людских ресурсов нации. Если первый урок был быстро усвоен³, то второй момент так и не был

Морозова Ольга Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону).

¹ *Куманёв Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы. – Новая и новейшая история, 2006, № 6, с. 7, 26.

² *Тимошина Т.М.* Экономическая история зарубежных стран. М., 2010, с. 230–231.

³ Результаты исследований ученых и мемуары современников свидетельствуют, что деньги брали все оппозиционные российские группы и у всех, кто давал. В годы русско-японской войны была попытка Японии финансировать революционные организации России, однако, безуспешная. См.: *Шестернин С.П.* Реализация наследства после Н.П. Шмита, мои встречи с В.И. Лениным. – Старый большевик, 1933, № 5(8); *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904–1905 гг.). – История СССР, 1990, № 6; *их же.* Японские деньги и русская революция. – Тайны русско-японской войны. М., 1993; *Богданов А.А.* История “частной финансовой группы с.-д. большевиков”. – Родина, 1992, № 8–9; *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004; *Булдаков В.П.* Россия, Восточная Азия

осознан в должной степени военными и политиками. По крайней мере, это заключение справедливо для русских. Внимание военных историков и теоретиков привлекли другие аспекты франко-прусской войны – оценка потенциала регулярных и милиционных армий, значение крепостных линий и железнодорожных коммуникаций для снабжения фронта⁴. К началу Первой мировой войны вопросы эвакуации в некоторой степени затрагивались в двух документах, относящихся к 1911–1913 гг.: “Положении о подготовительном к войне периоде”, регулировавшем порядок выдачи эвакуопособий, и во “Временных правилах о вывозе казенного имущества правительственных учреждений, а также служащих и их семей”, предназначенных для приграничных военных округов. Предварительных планов эвакуации не составлялось, поскольку оперативный план войны, составленный русским Генеральным штабом, предусматривал “переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы”. Насущную необходимость эвакуации материальных ценностей и прежде всего промышленных мощностей и сырьевых запасов показало отступление русской армии из Варшавской губернии и части Прибалтики весной-летом 1915 г. Большая часть промышленных предприятий на оставленных территориях не была вывезена и досталась противнику⁵.

Это вызвало создание Эвакуационной комиссии при Особом совещании по обороне для координации работ по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов. Ее возглавил председатель Государственной думы М.В. Родзянко, т.е. гражданское лицо, а не представитель армии. Одновременно стали появляться инструкции и правила для обеспечения проведения мероприятий по эвакуации. Наспех формировавшаяся юридическая база не воспрепятствовала возникновению сумятицы и неразберихи при эвакуации заводов из Риги и Ревеля.

По-видимому, в августе 1915 г. была создана Комиссия по эвакуации торговых и промышленных предприятий Риги. Первым ее председателем стал генерал-майор А.П. Залюбовский (1859–1936). Сразу были отданы приказы об эвакуации: общий от 22 августа 1915 г. и особые – для конкретных, действительно стратегических предприятий.

В перечне предприятий Риги, вошедших в приказ об эвакуации, были указаны кожевенные заводы Американско-Балтийский, Л. Цитемана, Ю. Штейнберга и К^о и др., консервные фабрики Баргисена и А.А. Гуйка, велосипедная мастерская Я. Буксе, обувная фабрика “Буффало”, Вильберга, пивоваренные заводы Вальдшлесхена, Шиндлера, Ильгечена, люстровый завод “Кронос”, фабрика игрушек Фиреке и Лейтке, дрожжево-винокуренный завод Швабе.

Залюбовский предписал 17 августа 1915 г. 1-й Балтийской заготовочной фабрике обуви “Братья Кропман” немедленно вывезти все станки для заготовки солдатских сапог и оборудования фабрики. Через два дня он сделал такое же предписание Рижской механической фабрике обуви “Комета”. Основания для подобных распоряжений ясны. Причиной же принудительной эвакуации большинства предприятий было наличие у них паровых механизмов и ценного сырья, как сказали бы сегодня, двойного назначения: двигателей, ремней, инструментальной стали. Некоторые предприятия эвакуировались по требованию провинциальных ВПК, напр., Киевского. Их представители подавали соответствующие заявки в Комиссию.

Смысл эвакуации понимался по-разному. Военные предпочитали вывозить лишь энергетические мощности предприятий и лишь оборонные заводы в полном объеме; а хозяева предприятий стремились к полной эвакуации, чтобы обезопасить свое имуще-

и Японии в начале XX века: к переоценке русско-японской войны. Международный симпозиум в Японии. – Отечественная история, 2005, № 1; *Уткин А.И.* В начале всех несчастий. Русско-японская война 1904–1905. М., 2005.

⁴ См. например: *Леер Г.А.* Публичные лекции о войне 1870–1871 годов между Францией и Германией. СПб., 1873.

⁵ *Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004, с. 46–48.

ство от реквизиции противником, или чтобы запустить производство на новом месте. Рижская фарфорофаянсовая фабрика фирмы М.С. Кузнецова эвакуировалась в города, где имелись предприятия товарищества: Дулево, Песочное, Дмитров. Вывозились не только паровые машины, но и фарфоровое сырье, формовочные станки, модели и капы изделий⁶.

Непонятен отказ фирме “дипломированных шведских инженеров” К.Е. Петерсона и Г.Г. Остберга. Они вывезли в Москву три мотора и 10 электрических прессов. Им было отказано в субсидии на покрытие расходов (всего 110 руб. 10 коп.) с мотивировкой: отправленные машины не составляли фабричное оборудование, а являлись товаром, т.к. заведение инженеров было торговым⁷.

Реакция владельцев предприятий на распоряжения Комиссии была также различной. Одни не видели необходимости в эвакуации, другие лелеяли надежды урвать от казенного пирога свой кусок. Хозяин жестяной и слесарной мастерской И.А. Фейтельсон подал в Комиссию прошение об оставлении в Риге этой мастерской ввиду “ее незначительной величины и полной негодности для вывоза”, поскольку она состоит из купленных 15 лет назад подержанных машин. Но главное: эвакуация окончательно подорвала бы его существование. Генерал-майор Залюбовский дал согласие на исключение заведения Фейтельсона из списка эвакуируемых производств⁸.

Причина снисходительности генерала заключалась в том, что эвакуация стала обходиться казне в огромные деньги. Издержки по отправке оборудования несло военное ведомство, оно же отвечало и за повреждения в пути, страхуя имущество в “Русском Ллойде”⁹.

Паркетная фабрика фирмы “Леров и Арендт”, имевшая производство и в столице, на Васильевском острове, по окончании эвакуации представила ведомость расходов на 227 624 руб. В состав сумм были включены выплаты рабочим (56 тыс. руб.), железной дороге за подачу вагонов, счета за аренду лебедок, стоимость работ и материалов по упаковке (более 80 тыс. руб.)¹⁰. Это колоссальная сумма, в то время как другие предприятия показывали расходы в несколько тысяч рублей, максимум – в 10–20 тыс. руб.

Комиссией были выявлены случаи представления фальшивых счетов. Разобраться было непросто, если только не выявлялись явные подтасовки в документах. Или если не соблюдались условия, предписанные приказом об эвакуации. Начать эвакуацию нужно было в трехдневный срок после выхода приказа, в ином случае субсидия не выплачивалась. Процесс эвакуации необходимо было согласовать с комиссией и проводить под наблюдением агентов Рижской эвакуационной комиссии. В этом случае комиссия принимала к оплате счета¹¹. Имелись правила, по которым организатор эвакуации считался правомочным в отношении ссуд. Они выдавались владельцам заводом или их официальным представителям, имеющим соответствующие доверенности. Арендаторы не имели такого права, хотя и организовывали вывоз имущества.

Судя по переписке Комиссии и владельцев предприятий, у обеих сторон были туманные представления о судьбе эвакуированных производств. Комиссия предполагала, что выплачиваемая компенсация связана с их остановкой, и запуск на новом месте не был предусмотрен. Некоторые из владельцев полагали, что вывезенное имущество будет сдано на хранение в региональные военно-промышленные комитеты; другие ожидали, что из средств казны будет оплачена установка оборудования на новом месте¹². Объем финансовых обязательств, которые готова была взять на себя казна, в представлении

⁶ Государственный исторический архив Латвии, ф. 800, оп. 1, д. 1, л. 17–20; д. 2, л. 2 и др.; д. 4, л. 156, 176, 235.

⁷ Там же, д. 4, л. 119.

⁸ Там же, д. 15, л. 1.

⁹ Там же, д. 4, л. 77.

¹⁰ Там же, л. 90–91.

¹¹ Там же, л. 230.

¹² Там же, л. 224, 230, 271.

растревоженных коммерческих кругов был чрезвычайно широк. На разборке и отправке оборудования использовались солдаты запасных полков. Они требовали от фабрикантов “харчевых”, т.е. денег на питание. Владельцы, полагая, что и за это должно платить военное ведомство, обращались за этим в Комиссию.

Заявки на ссуды на эвакуацию 419 предприятий не были удовлетворены. Среди них несколько литографий, чулочно-трикотажная фабрика Ф. Люта, паровая фабрика белья “Перфект” г-жи Х.Б. Калманович, но и Рижское общество “Свет и сила”¹³. Эта фирма владела электростанциями в Дубельне и Эдинбурге – поселках, находившихся на территории современной Юрмалы. Эвакуацией имущества, владельцем которого был швейцарец П.Э. Пунхер, находившийся в Швейцарии, занимался имеющий полномочия управляющего К.К. Берг. Это соответствовало требованиям Комиссии. Общество эвакуировало цветные металлы – медь, свинец, алюминий; электродвигатели, электронасосы, электрические счетчики, различные медные аппараты, латунную арматуру, медные голые и изолированные провода – то, что было включено в приказ об эвакуации¹⁴. Таким образом, причина отказа не ясна.

Размах эвакуации довольно быстро был признан чрезмерным. Если 28 августа Залюбовский приказал начать демонтаж и вывоз всего оборудования Акционерного общества рижских трамваев – с депо, оборудованием, вагонами, рельсами и проводами. Но уже 5 сентября от него поступили новые указания: снять лишь заречную линию, оставить половину вагонов и кое-какое оборудование в ремонтных мастерских; остальное отправить в Москву и Петроград¹⁵, что и было сделано.

Документы Комиссии показывают, что в ее работе возникало немало неувязок, а правила менялись весьма часто. Сами принципы организации эвакуационных работ не были продуманы, а потому не были заложены в качестве единой основы в принимаемых приказах и распоряжениях.

Например, Инструкция по выдаче пособий рабочим и служащим эвакуированных предприятий (1916) предусматривала выдачу уезжающим бесплатного билета, подъемных и особого пособия в размере двух- или четырехнедельного заработка по прибытии на место; остающимся – двухнедельного пособия, исчисляемого по расчетной книжке из кассы заводоуправления¹⁶. Затем поступило уточнение, что пособия выдаются только промышленно-заводским рабочим, а занятым в других сферах промышленного предприятия (например, конторским служащим, сторожам и пр.) – нет. Соответственно сотрудники, например, фирм, торгующих велосипедами и мотоциклами, пособие получить не могли, хотя сами конторы и их имущество были эвакуированы.

Эвакуация встретилась с двумя основными трудностями: с недостатком рабочих рук, особенно в районах Курляндии, население которой убежало само в связи с приближением линии фронта или было выселено; и с чрезмерной загруженностью железных дорог. Существовало два класса отправки грузов: малая скорость, но на нее очередь была забита; и экстренная, но для отправки таким способом нужно получать разрешение в Комиссии. Если Залюбовский такие разрешения давал, то сменивший его в октябре 1915 г. генерал Ракинт уже отказывал¹⁷. Его руководство отличалось большей долей разумности в принимаемых решениях. Имеющиеся в Риге 60 тыс. саженей дров им было решено пустить в продажу населению по доступной фиксированной цене, чтобы в случае оставления Риги неприятель не воспользовался бы этими дровами для своих нужд или для вывоза в Германию¹⁸. Ракинт дал телеграмму в Петроград председателю Центрального ВПК о том, что необходима буксировка из Риги в Петроград “весьма ценного городского железного плашкоутного моста 18-пролетного” с помощью морских

¹³ Там же, л. 1–3.

¹⁴ Там же, л. 79–80.

¹⁵ Там же, оп. 2, д. 2, л. 29, 30, 40.

¹⁶ Там же, оп. 1, д. 1, л. 1–2, 4.

¹⁷ Там же, д. 4, л. 79–80.

¹⁸ Там же, д. 5, л. 2.

буксировочных пароходов, а также для вывоза ценного строительного леса и шпал¹⁹. При нем часть расходов на вывоз материальных ценностей стала перекладываться на собственников. Например, один из рижских банков обязывался эвакуировать заложенный в нем лес, в противном случае “весь упомянутый материал” будет уничтожен без вознаграждения²⁰.

В марте 1916 г. председателем комиссии по эвакуации состоял генерал-майор Янкович, в июле 1916 г. – генерал-майор Вишневецкий. В это время угроза прорыва фронта германской армией несколько снизилась, и эвакуационная активность также стихла. Всего из Риги в 1915 г. было транспортировано около 30 тыс. вагонов различных грузов, но их ценность для обороны была разной²¹.

Примером того, какой была судьба эвакуированного имущества, может выступить заложенный в Таганроге завод Русско-Балтийского судостроительного и механического акционерного общества. Это промышленное предприятие возникло в 1915 г. в результате эвакуации из Ревеля Эстляндской губернии части цехов Русско-Балтийского судостроительного и механического акционерного общества. При выборе Таганрога учитывалась близость сырья, топлива и стремление не увеличивать и без того исключительную загруженность Северо-западного промышленного района, и в частности Петрограда.

В силу возрастающей надобности в снарядах Русско-Балтийское судостроительное и механическое акционерное общество, используя собственные средства и кредиты Русско-Азиатского банка, приступило к постройке именно снарядного завода. Строительство началось 15 октября 1915 г. Оборудование первой очереди завода было закончено в сентябре 1916 г., тогда же была выпущена первая партия снарядов, но мероприятия по размещению оборудования, прибывшего из Ревеля, продолжались до конца 1917 г.

Среди эвакуированного имущества были сверлильные, строгальные, фрезерные, токарные станки. В течение 1916–1917 гг. оборудование закупалось дополнительно; и в 1917 г. на балансе завода состояло свыше 2,5 тыс. станков, большинство из которых так и не было установлено в цехах. По контрактам с Главным артиллерийским управлением и военно-окружными артиллерийскими управлениями завод производил детали для артиллерийских снарядов. Однако 25 ноября 1916 г. Межведомственное совещание по вопросу о финансировании некоторых частных предприятий, работающих на оборону, среди которых было и Русско-Балтийское судостроительное и механическое общество, нашло, что финансовые трудности общества вызваны нерасчетливым ведением дел, которое так и не позволило окончательно оборудовать и запустить на полную мощность Таганрогский завод. Было рекомендовано взять завод в государственное управление. 26 июля 1917 г. завод был секвестирован.

Хотя всеобъемлющая оценка эффективности проведенных эвакуационных мероприятий так и не была дана, существуют веские основания к признанию ее невысокой. Но важен и другой вопрос: имелся ли смысл в эвакуации материальных ценностей при отходе русской армии под давлением германских войск? Материалы 1918 г. показывают, что с оккупированных территорий в Германию вывозилось не только то, что предусматривалось пунктами Брестского мира. 24 сентября 1918 г. агент В. Ручин составил записку о своем пребывании в занятом немцами Пскове. Накануне отхода немцы вывезли из города все автомобили, даже поломанные, а также мастерскую по их ремонту²². Направленный Р.И. Берзиным в тыл немцев красноармеец А.В. Павлов сообщал, что большая часть поездов идущих из Пскова нагружены “разной рухлядью”, по словам железнодорожников, немцы вывозят “старое железо, разные доски”²³.

¹⁹ Там же, л. 17.

²⁰ Там же, л. 30.

²¹ Мелия А.А. Указ. соч., с. 47.

²² Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО), ф. Р-590, оп. 1, д. 43, л. 177.

²³ Там же, д. 40, л. 5.

Вместе с оборудованием предприятий в центр страны перемещались десятки тысяч человек рабочих и служащих. Так, среди персонала Таганрогского завода половина от общего числа в 6 тыс. чел. мастеровых и рабочих и 700 чел. служащих были эвакуированные. Их присутствие негативно влияло на трудовой распорядок и дисциплину, поскольку имели место не согласованные с заводоуправлением командировки и отпуска – назад, к семьям, в так и не сданный неприятелю родной город.

Факт перемещения масс людей в условиях военного времени не прошел бесследно для страны. Поток беженцев из западных губерний был спровоцирован отступлением 1915 г., когда военное командование, уходя от наступавшего врага, решило реализовать тактику выжженной земли, поэтому и разоряло, сжигало и уничтожало постройки и имущество мирного населения. Насильственно были переселены жители приграничных территорий “в целях обезлюдения”²⁴; около 500 тыс. еврейского населения, которое, как подозревали, могло заниматься шпионажем в пользу Германии²⁵, на этом основании и немцы балтийских губерний²⁶. Власти представляли эту эвакуацию как инициативу и желание населения, которое невозможно было удержать из-за страха перед лицом отступающего неприятеля. В его настроениях действительно был и элемент психоза как результат шовинистической пропаганды, и реальный страх расправы, основывающийся на опыте предвоенных событий в населенных славянами восточных областях Австро-Венгрии, но существеннее было стремление властей вывезти или уничтожить материальные ценности, чтобы они не достались противнику: мужчин – чтобы не были мобилизованы; скот, хлеб, фураж – чтобы не были конфискованы для нужд армии противника; оборудование промышленных предприятий – чтобы не работали на экономику врага. Это были мероприятия в духе войн новейшего времени, но царская администрация переоценила свои организаторские способности.

Инспирированный самой властью поток из западных губерний становился мощным катализатором напряжения в тылу. Это действие усиливалось по мере нарастания проблем вокруг людей, снятых с места. Сначала под эшелоны с эвакуированными занимались вагоны и локомотивы, столь необходимые для военных перевозок. Казалось бы, поезда с фронта все равно шли с неполной нагрузкой: эвакуацией раненых занимались в основном специальные санитарные поезда. Но дело в том, что поезда с беженцами первоначально шли не в точки пополнения военными грузами, а в места приема перемещенных лиц, а там задерживались на некоторый срок из-за проблем с устройством прибывших.

Тылы наполнились хаотически передвигающимся в поисках прибежища массами растерянного и озлобленного населения. Сначала беженцы из западных губерний вызывали сочувствие, но оно со временем менялось на враждебность из-за осложнившегося положения с жильем и работой²⁷. Беженцы считали виновником своего положения не немцев, а армию.

Беженцы стали важным фактором дестабилизации в регионах пребывания. Эвакуированные рабочие обычно располагались в казармах при заводах. При наступлении революционного времени они стали готовым кадром для отрядов. Рабочие эвакуированных при наступлении немцев прибалтийских заводов (“Старс”, “Сириус”, “Ланге”, “Мантел”, проволочного завода “Беккер и К^о”) были направлены в Екатеринославль. Оккупация немецкой армией территории Украины заставила их отойти в район Поволжья – в Саратов. Они вновь оказались беженцами. Проживающие на казарменном положении, не имеющие устойчивых связей с местным населением рабочие, среди которых были латыши, русские, евреи, с охотой вступали в отряды Красной Гвардии. Членство в них обеспечивало ощущение товарищеского плеча и владение оружием – важную

²⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000, с. 668.

²⁵ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997, с. 616.

²⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания, в 2-х т. М., 1997, т. 2, с. 407–421, 483–486.

²⁷ Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. Виденное, слышанное в Тамбовской губернии с ноября 1918 г. по ноябрь 1920 г. Riga, 1936, с. 174–175.

охранную меру в условиях нарастающей социальной энтропии²⁸. Именно за латышами, венграми, китайцами – людьми, оторванными от своей земли и народа, закрепились слава самых жестоких солдат того времени, хотя в так называемых национальных воинских подразделениях представителей “титупольной” нации могла быть меньшая часть.

Новая власть, не имея собственной традиции, копировала приемы власти старой. После Брестского мира большевики продолжили эвакуацию промышленного оборудования, военного снаряжения, продовольственных запасов с территорий, которые должны были стать зоной оккупации Германии, а также из северных портов, которые намеривались занять “союзники”, чтобы содержимое пакгаузов не оказалось в руках немцев. В Харьков с мандатом комиссара по эвакуации прибыл С. Орджоникидзе²⁹. В Архангельск – с той же целью М.С. Кедров. Для обоих эти командировки стали дорогой к ведущим ролям в судьбе этих регионов.

Нередко инструкции по эвакуации и решения о ее начале вырабатывали местные советские органы – советы, их исполкомы, ревкомы. В Бердянском порту находились большие запасы военного имущества и продовольствия. В апреле 1918 г. в город должны были вот-вот войти германо-австрийские войска. Городской совет при подходе немцев приступил к вывозу имущества, чем вызвал всеобщее возмущение, мятеж офицеров-фронтовиков и собственный крах. Подошедший в это время к городу отряд М.Г. Дроздовского расстрелял арестованных членов Бердянского совета и советских активистов, среди которых было две женщины: 17-летняя Нина Клейн и учительница Итта Шпитальная, мать семерых детей.

В мае того же года уходящие из Ростова-на-Дону большевики вывезли ценности Ростовского государственного казначейства, которые в феврале не решился забрать с собой добровольческий отряд Корнилова³⁰. В августе попытка вывоза из Баку банковских резервов привела к аресту вождей Бакинской коммуны, намеревавшихся эвакуироваться в советскую Астрахань. К этому моменту военные неудачи и дефицит продуктов питания привел к падению авторитета комиссаров и отказу их от власти. Если бы они отплыли из города без военного имущества и содержимого городских и портовых касс, то это, судя по всему, произошло бы без помех. Но новая бакинская власть – Диктатура Центрокаспия – и горожане расценили эту акцию как предательскую в ситуации, когда городу угрожала турецкая армия.

В июле 1918 г. комиссар Туркестанского Совнаркома П.Г. Полторацкий направлялся из Ташкента в Асхабад, где происходили волнения в связи с объявленной большевистским ревкомом мобилизацией. В Мерве он узнал, что навстречу направляется отряд восставших, превосходивший численностью его собственное сопровождение. Полторацкий попытался вывезти ценности местного банка, но рабочие Мерва воспрепятствовали ему, отцепив от паровоза эшелон. Не только забрать ценности, но и самому покинуть город Полторацкому не удалось. Он был арестован и в ночь на 22 июля расстрелян.

Схема действий – вывезти, чтобы не досталось врагу – крепко вошла в сознание и вождей, и рядовых граждан. Скот организованных на базе помещичьих экономий

²⁸ Государственный архив Саратовской области, ф. Р-3586, оп. 1, д. 202, л. 4–5.

²⁹ *Орджоникидзе З.* Боевые дни. – Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. [Б.м.], 1938, с. 9.

³⁰ Любопытно, что при отступлении из Новочеркасска отряда донских казаков под командованием генерала П.Х. Попова атаманом А.М. Назаровым было принято решение об эвакуации в станицу Константиновскую золотого запаса, хранившегося в Новочеркасском казначействе. Это решение было отменено Донским войсковым кругом, но готовность казаков увезти казну может быть объяснена тем, что казачество считало ее войсковым достоянием в отличие от добровольцев, ощущавших себя на Дону пришлыми чужаками. Впоследствии казачий генерал Н.Ф. Быкадоров назвал отказ от вывоза войсковой казны верным решением, потому что большой обоз связывал бы подвижность отряда и вызвал бы у красных особую энергию в их преследовании, а так – была спасена честь войска и моральный облик отряда. См.: *Падалкин А.* Сорок лет начала Степного похода. – Государственный архив Тамбовской области, ф. Р-5328, оп. 1, д. 73, л. 36.

совхозов инициативно угонялся при наступлении деникинцев³¹. Железнодорожники Восточно-Донецкой железной дороги, отступая с территории, занятой германской армией, держались вместе, опекая имущество, которое вывезли с собой. Причем наряду с путевским имуществом в их эшелонах находились и мануфактура, и сахар³². Судьба вывезенного имущества была довольно однообразна. Оно или было захвачено противником, или было арестовано собственным военным командованием в связи с обвинением в несанкционированной эвакуации, а потом конфисковано им. Этим закончилась эвакуация, предпринятая ревкомом недавно переименованного в Ленинск приволжского Пришиба, когда после сдачи Царицына он покинул свой город с обозом, в котором находились мануфактура, кожа, обувь, чай, сахар, табак – товары, отпущенные по норме населению уезда, но так и не распределенные. Летом 1919 г. эвакуационная лихорадка охватила многие уезды низовий Волги. Отличились в этом исполкомы Черного Яра, Ханской ставки, Капустина Яра. На баржах вывозились не только деньги казначейства, документация советских учреждений, но и продовольственные запасы и даже уже выпеченный хлеб³³. Причина богатства этих эвакуационных обозов крылась в том, что районы Нижнего Поволжья избежали участи быть вовлеченными в непосредственные боевые действия.

Прочие эвакуации 1919 г. имели уже совсем другой характер. Вывозу подлежали только люди и документы советских учреждений. Судя по всему, в 1919 г. уже не могло случиться того, что в 1918 г. по двум причинам: комиссары были защищены какими-никакими вооруженными отрядами, да и вывозить было уже нечего³⁴.

Опыт Первой мировой войны так и не стал уроком для советского Генерального штаба. Полноценные планы эвакуации с территорий, которым мог в случае войны угрожать неприятель, не были созданы. После начала Великой отечественной войны все эти меры приходилось разрабатывать в экстренном порядке. Не обходилось без сомнительных с точки зрения военной целесообразности мероприятий; например, из западных областей эвакуировались детские сады, средние школы – педагоги и воспитанники, разумеется, без родителей. Но неудачи той эвакуации наверняка учитывались в 1941–1942 гг.: оборудование заводов вывозилось, чтобы быть запущенным вновь.

Представленный материал лишь поверхностно отслеживает взаимосвязь разнохарактерных исторических событий, но этот прием расширяет границы понимания исторического прошлого. Масштабная эвакуация становилась насущной необходимостью в условиях войн эпохи промышленной революции и индустриализации. Осуществленная в небывалых размерах она запускала немало деструктивных процессов в тылу и дала пример поведения власти, живо усвоенный большевиками. Их собственная эвакуационная деятельность спровоцировала массовое возмущение и новый виток насилия в разворачивавшейся гражданской войне.

³¹ Государственный архив Днепропетровской области, ф. Р-2166, оп. 1, д. 355, л. 19–20.

³² Центр документации новейшей истории Ростовской области, ф. 12, оп. 3, д. 140, л. 9.

³³ Государственный архив Волгоградской области, ф. Р-216, оп. 3, д. 4, л. 237–238; ф. Р-3142, оп. 1, д. 1, л. 36–38; д. 2, л. 83, 84, 93, 95, 101 и др.

³⁴ ГАПО, ф. Р-590, оп. 2, д. 26, л. 60б.